

18+

Дюпон Элен
Три дня

Новый роман

Дюпон Элен

Три дня. Новый роман

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=72235738

ISBN 9785006757226

Аннотация

Журналистка и писатель Элен не искала приключений – она просто писала наблюдения за загадочным посетителем кафе. Но когда охрана уличает её в слежке, всё меняется. Он – Алекс Рем миллиардер, кумир бизнес-прессы и герой светской хроники. Она – обычная женщина. Он предлагает ей провести рядом три дня и написать честную статью – без глянца, без лести, без лжи. Три дня, в которых Элен увидит мир изнутри роскоши, власти и одиночества.

Содержание

ГЛАВА ПЕРВАЯ

5

Конец ознакомительного фрагмента.

39

Три дня Новый роман

Дюпон Элен

Иллюстратор Элен Дюпон

© Дюпон Элен, 2025

© Элен Дюпон, иллюстрации, 2025

ISBN 978-5-0067-5722-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Вот же влипла.

Судорожно думала я, сидя в кафе в районе Сен-Жермен-де-Пре.

Нужно бы ещё поработать хотя бы пару часов, но обстановка в зале уже накалилась так, что кофе в чашке начал вибрировать.

Две чучундры всё испортили.

Два месяца наблюдений коту под хвост. Я так злилась, что скоро, кажется, начну говорить с собой вслух. Хотя... не уверена, что уже не начала.

Обстановка – как перед взрывом: либо я сейчас выскочу отсюда и нарвусь на большую неприятность, либо задержусь и нарвусь на... ещё большую.

Что делать? Что делать?!

А ведь кафешка правда приятная. Работать в ней – само удовольствие.

Я забрела сюда случайно два месяца назад, когда привезла Андре на занятия к психологу. Нужно было где-то коротать три часа. Не хотелось бродить по городу, как потерянная. Решила найти что-то уютное, взять капучино и закончить роман.

Издатель уже дышал в спину, а я – как всегда – откладывала финал, потому что сначала надо было «впитать атмо-

сферу». Ну и понаблюдать, конечно.

А потом появился он.

Не сразу, не с фанфарами. Просто – однажды утром, ровно в 9:00, в зал зашёл человек, от которого даже кофемашина будто перестала шуметь. Высокий, собранный, будто сошёл со страниц какого-то глянцевого журнала «Бизнес + власть + тайна».

Алекс Рем. Как я потом выяснила. Но сначала он был просто «Мистером Овсянкиным» – потому что всегда ел овсянку с ягодами и пил чёрный чай.

Он всегда был один, без спутницы. Всегда с охраной. И всегда в том самом стеклянном кабинете у окна, как в аквариуме для акул, только очень богатых.

Я наблюдала. Я записывала. Я даже дала клички его охранникам. Один – «Бэтмен», второй – «Фарш». Почему «Фарш» – никто не знает. Даже я.

Всё шло по плану – я писала, наблюдала, и втайне думала: *«Вот бы его в роман. Или хотя бы в черновик».*

За два месяца работы в кафе я научилась различать клиентов по походке, голосу, заказу и даже по звуку, с которым они ставили чашку на стол. Это не бзик. Это – профессиональная привычка писателя, у которого нет нормального офиса и есть трёхчасовой блок свободы между детским психологом и жизнью.

Я замечала всех. Студентов с ноутбуками, уставших жен-

щин с глянцевыми ногтями и тревожным блеском в глазах. Молодых мужчин, которые отчаянно делали вид, что читают. Но пройти мимо неё было невозможно.

Барби вошла в кафе на третий день после того, как впервые появился Алекс Рем.

Это было как эпизод из сериала: она буквально *вплыла* в помещение – высокая, роскошная, с азиатской внешностью и идеальной осанкой.

Загорелая, как дорогая карамель, в *кофейно-молочных* шортах и белом топе с открытыми плечами.

На шпильках. В июне. По брусчатке. По Сен-Жермен-де-Пре.

Она процокала мимо меня, бросив на меня взгляд, который мог бы вызвать у менее устойчивой женщины лёгкое желание исчезнуть.

В нём было всё: и «Ты кто?», и «Что ты тут делаешь?», и «О боже, у тебя же даже нет хайлайтера на скулах».

Села она, конечно, аккурат напротив стеклянного кабинета, в котором обычно сидел он – мой герой, мой мистер Овсянкин, мой источник вдохновения.

Алекс мельком взглянул. И – отвернулся.

Просто. Ровно. Как будто перед ним пролетел солнечный зайчик, и он выбрал не ловить его взглядом.

А она – Барби – не сдавалась.

Она стала приходить ежедневно. Каждый раз – новый образ.

То – шёлковое платье в пол, то – микроюбка и жакет как у телевизионных ведущих с канала «Будь богаче».

Кафе превратилось в подиум, и я чувствовала, что уже жду её появления с попкорном.

Через неделю после начала модного показа появилась она. Барби №2.

Если первая была – глянец и Vogue, то вторая – Монгое 2.0, версия для тех, кто любит «с огоньком».

Блондинка. Настоящая. Или не очень, но – уверенная.

Красное платье, тонкое почти до скандала.

Губы – ярко-алые. Улыбка – как будто в детстве она съела свет.

Под мышкой – огромная сумка, из которой выглядывала... собака.

– Жужу, не тяни лялочку! Мамочка устала! – провозгласила она, как будто играла в пьесе.

Жужу, белоснежная мальтийская болонка с розовым бантом, пискнула, развернулась и круто кивнула головой, словно знала, где сидит самый важный человек в зале.

Барби №2 села за соседний столик, по диагонали от VIP-зоны.

Её было видно отовсюду. И Алекс её видел.

Только снова – мельком. Как будто всё это было не ново, не впечатляло, и даже чуть утомляло.

– Жужу! Скажи мама! – звучало каждые три минуты.

– Жужу, будешь лосось или рийет?

– Жужу, тётя в кофте странно смотрит на нас...

Это я была «тётей в кофте».

Я в тот день была в любимой серой худи, потому что писатель – это не профессия, это камуфляж.

Так началась охота.

А я – сидела в самом эпицентре. С ноутбуком, чашкой кофе и чувствами, которые хотелось не анализировать, а просто записать.

В воздухе витало нечто.

Вроде бы не война.

Но уже и не мир.

...И вот теперь... теперь эти Барби из преисподней устроили бойню посреди моего импровизированного офиса.

День был особенно жаркий. Барби №1 пришла в белом комбинезоне, напоминающем то ли платье врача-гинеколога, то ли подиумную форму азиатской медсестры. Барби №2 в этот раз блистала – буквально. Её платье было красным и блестело, как упаковка леденцов.

Я, как всегда, сидела за своим «рабочим» столиком, обложенная блокнотом, ноутбуком, телефоном и наушниками, но ни одну страницу не могла дописать: напряжение было такое, что даже ложки дрожали в стаканах с латте.

Всё началось с Жужу.

Болонка, как бы случайно, выскочила из-под стула Барби №2 и помчалась напрямиком к кабинету Алекса Рема.

– Жужуууу! ЖУЖУ! – истошно вскрикнула блондинка.

– Жужу не бегай! Мама накажет!

Алекс вышел из кабинета, очевидно направляясь к выходу. В этот момент Жужу остановилась прямо у его ноги, завертелась, пискнула, посмотрела глазками, полными драматизма.

И что вы думаете?

Он наклонился, спокойно, уверенно, без лишней паники, взял Жужу на руки, как будто делал это каждый день.

И отнёс её Барби №2.

– Ваша? – сухо, но вежливо спросил он, протягивая собачку.

– Она у меня такая! – завизжала та. – Спасибо, вы её спасли, она очень чувствительная!

Барби №1 это видела. Вся. От и до.

Она встала. Резко.

– Ты это специально?!

– Я? Это она – собака!

– Не притворяйся, ты что – с ума сошла?

Барби №2 прижала Жужу к груди:

– Это не я виновата, что у тебя нет души и маленькой собачки!

И вот тут начался настоящий бой.

Без бросания мебели – но с обильной руганью, хлопающими сумками, громкими возгласами:

– Фальшивка!

– Клоунесса!

– Психованная!

Охрана приблизилась, официанты замерли, Жужа залаяла.

А я сидела посреди этого безумия, с расширенными глазами, с открытым ноутбуком, и знала только одно:

Сейчас обязательно что-то рухнет.

И это, к сожалению, это будет.... Но в прочем я забегаю вперед

А на сцене все еще не утихали страсти:

– Ты следишь за ним! – визгнула одна.

– А ты за мной! – огрызнулась другая.

Салфетки, пролетающие как метательные звездочки. Накладные ресницы, дрожащие от эмоций. Один официант спрятался за кофемашину.

Я замерла с чашкой, как окаменевшая героиня комедии: «Ну всё, сцена пошла не по сценарию.»

– Девочки, – прозвучал сдержанный, но ледяной голос охранника. Один из них – «Бэтмен», кажется. Второй – «Фарш». Я их давно так прозвала.

– Просим вас покинуть зал, не нарушая общественный порядок, – сказал Борщ, не меняя выражения лица, будто вы-

гонял девушек с вилками в шею каждый день.

Одна из Барби дёрнула другую за сумочку, та пошатнулась – и в следующий момент пошатнулась вся вселенная.

Девушка отступила назад – прямо в моего Бэтмена, он инстинктивно отступил, зацепил столик...

И всё рухнуло.

Чашка с кофе с хлюпаньем выплеснулась на пол. Ноутбук скатился со стола, как по маслу. А главное – бумажки. Мои черновики. Записки. Наброски. Метафорические фразы вроде «его глаза холоднее римского мрамора и вдвое опаснее» – всё высыпалось на пол.

– Не трогайте! – пискнула я, вставая резко.

Но поздно.

Бэтмен уже поднял несколько листов и... прочитал.

– «Объект О. прибывает в 9:00, ест овсянку, пьёт чай без сахара. Улыбается, когда думает, что никто не видит. Подозреваю скрытые эмоции и дорогой психоанализ»... – он замолчал, покосился на меня, потом перевёл взгляд куда-то в сторону VIP-зоны.

Я стояла и буквально чувствовала, как медленно краснеет шея, потом щеки, потом мозг.

– Это... это... художественный образ! – выдохнула я.

– В рамках наблюдений? – уточнил охранник.

– Я писатель! – выдала я с пафосом, будто это было алиби.

– Да уж заметно.

Он что-то пробурчал в микрофон на плече. Через пару

секунд в зале появился он. Алекс Рем.

Весь в чёрном. С платком в кармане пиджака, с такой походкой, как будто время его подстраховывает. И с лицом, на котором было написано: «И кто же у нас тут маленький Шерлок Холмс с ноутбуком?»

– Что это? – он посмотрел на меня, точно профессор на студентку, уличённую в списывании.

– Это просто заметки! Черновики! Я вообще не...

– Пройдёмте, – сказал он. Не вопросом. Указал на стеклянную дверь в VIP-зал.

У меня было два варианта:

– Побежать.

– Побежать и споткнуться о собственную совесть.

Я пошла.

VIP-зал был похож на аквариум. Всё стеклянное, прозрачное и одновременно непроницаемое. Люди снаружи видели, что внутри происходит нечто интересное, но слышать – не могли. А внутри – я, он, и мои листки, собранные охраной в аккуратную стопку.

Алекс сел. На манер прокурора. Я – напротив. На манер школьницы на совете по дисциплине.

Он молчал.

Я тоже.

Молчание тянулось секунд двадцать, но ощущалось как полчаса в стоматологическом кресле. Без анестезии.

– Итак, – начал он наконец. – Вы шпион?

– Простите? – я моргнула.

– Или журналист? Или фанатка? Или психолог, практикующий наблюдение за субъектом с применением латте и печенья?

– Я писатель, – повторила я, уже не с пафосом, а с внутренней икотой.

Он взял один из листков.

– «Подозреваю скрытые эмоции и дорогой психоанализ»...

И взглянул на меня. Очень пристально.

– Простите... Я просто... Это... Ну я же не публиковала это нигде. Это черновик. Это даже не роман. Это... скорее... наблюдения ради вдохновения.

– О, да. Вы вдохновились. Я бы даже сказал – воспламенились, – он положил лист обратно. – А потом что? Книга «Как я шпионила за миллиардером в овсянке»?

– Это смешно, – буркнула я.

– Это – неприятно. Особенно человеку, который не терпит... желтизны.

– Я не жёлтая! – воскликнула я. – Я... скорее бежевая. Иногда с элементами иронии.

Алекс бросив взгляд в сторону разъярённых Барби за стеклом, которых под белые ручки выводила охрана кафе, а потом – на меня.

– Вы видели сами. Это норма.

– Это что – ежедневное шоу? – осторожно спросила я.

– Сценарии меняются, актрисы тоже. Но суть остаётся: мне просто хочется спокойно позавтракать, – он взял чашку чая и сделал глоток. – А приходится менять кафе каждый месяц. Иногда чаще.

– Да-да, – я сдержанно кивнула, скрестив руки. – Конечно, бедненький... Какой ужас. Шоколадные брюнетки, блондинки с собаками, дизайнерские помады... Как вам вообще с этим живётся?

Он посмотрел на меня, прищурившись.

– А вы, похоже, не слишком сочувствуете.

– Да ну что вы, – я вскинула брови. – Я вся – сочувствие и сострадание, просто внутри меня сейчас играет скрипка из трагического фильма.

– А что, по-вашему, я должен делать? Встать и кричать: «Уйдите, женщины, я страдаю!»?

– Или носить табличку «Я не для всех»?

Он хмыкнул.

– Забавная вы.

– Я в тексте ещё смешнее.

Он хотел что-то сказать, но в этот момент зазвонил его телефон. Очень важный. По виду и вибрации.

– Извините. Это срочно.

Я встала.

– Мне тоже пора. Андре заканчивает сессию у психолога. Мне нужно быть вовремя.

Он глянул на меня:

– Мы ещё не закончили.

– Зато как эффектно начали, – бросила я и выскочила из зала.

Уже на улице, когда я вприпрыжку пересекала дорогу с ноутбуком под мышкой и папкой в руке, я вдруг резко остановилась.

– Даааа! – закричала я в пустоту.

Прохожие обернулись. Кто-то подбросил монетку, подумав, что я уличная актриса.

Потом только осознала:

Моя сумка осталась в VIP-зале.

У Алекса Рема. В стеклянном аквариуме.

– Ну, конечно, – выдохнула я. – Ну а как же иначе.

– Чёрт! Чёрт! Чёрт! – я стояла на углу Сен-Жермен-де-Пре, подпрыгивала на месте, как будто могла вытанцевать из себя собственную забывчивость.

В одной руке – ноутбук. В другой – листки. В голове – пустота.

Внутри сумки, которой не было со мной, – телефон, паспорт, ключи от квартиры, карточка, блеск для губ и остатки моего достоинства.

– И я туда не вернусь! – сказала я вслух.

– Вот пусть он сам привезёт! Пусть поймёт, что женщины тоже умеют быть холодными, гордыми и неприступными.

Прошло десять секунд.

– Ну нет. Я не могу идти к сыну без телефона. И домой не попаду.

Чёрт! Чёрт!!

Я топнула ногой. Один раз. Потом второй. На третий прохожий обернулся. Пёс залаял.

Я сделала вдох. Потом выдох. Потом прищурилась и посмотрела на витрину кафе.

И увидела его.

Алекс Рем.

Сидел.

С чашкой кофе.

И смотрел прямо на меня.

С такой ухмылкой, как будто только что выиграл внутреннюю битву за территорию.

Или – как кот, поймавший мышку, которая сама запрыгнула ему в лапы, но всё ещё делает вид, что «вообще-то просто тренировалась».

Я резко развернулась на каблуках (спасибо, что не было шпилек – мой стиль «писатель в бегах») и расправила плечи.

Спина прямая. Голова гордо поднята. Шаг размеренный, уверенный, *«я просто возвращаюсь за своим вином и не собираюсь объясняться»*.

Вошла в кафе. Не глядя по сторонам.

Дверь в VIP-зал открылась будто сама собой – или её от-

крыл один из охранников.

Алекс уже стоял, протянув руку с моей сумкой.

– Кажется, вы что-то забыли, – спокойно произнёс он.

– Это не ты. Это... Сумка! – огрызнулась я, выхватывая её.

– И ноутбук у вас. И заметки. И честь. «Почти всё при вас», – заметил он, усмехнувшись.

Я вздернула подбородок.

– Спасибо.

– Не за что. «Мы ещё увидимся», – сказал он.

– Это угроза?

– Это... прогноз, – ответил он, садясь обратно в кресло.

Я развернулась и ушла. Но спина чесалась от его взгляда.

Андре вылетел из двери кабинета психолога как птенец, которого выпустили из гнезда после получаса допроса.

– Mam, я сегодня придумал, что если соединить акулу с поездом – получится акулопоезд, он будет плавать по туннелям метро!

– Звучит как московское утро, – пробормотала я и взяла его за руку. – Пошли, мой акулопоезд. Мама сегодня немного сгорела на работе.

В метро мы ехали бок о бок, я сжимала сумку, будто в ней лежал не паспорт и ключи, а мои последние капли самообладания.

– Mam, а ты опять писала про дядю в чёрном?

– Может быть.

– А он хороший?

Я замолчала.

– Пока не знаю. Но у него есть охранники, а это всегда подозрительно.

Вечером, уже дома, я наконец выдохнула.

Уложив Андре спать, я налила себе чай, развалилась в кресле и, как всегда, написала Софи

Софи Азуле (главред, моя лучшая подруга, 38 лет, стиль – «сарказм с матовым финишем»)

– **Элен:**

Ты не поверишь, кого я сегодня чуть не убила ноутбуком.

– **Софи:**

Пожалуйста, скажи, что это снова твоя соседка, которая ворует газеты из почтового ящика

– **Элен:**

Почти. Миллионер. Красивый. Высокомерный. Овсянко-ед. Алекс Рем.

– **Софи:**

Интересно. Это у нас новый персонаж? Или ты решила выйти замуж и уехать на Кипр?

– **Элен:**

Он думает, что я журналистка, которая шпионит за ним. Я просто писала роман. Просто писала...

А теперь у меня остался позор, ноутбук, и приглашение...

на продолжение.

– **Софи:**

Дай угадаю. Он влюбится, ты будешь сопротивляться, в конце будет дождь и поцелуй?

– **Элен:**

Это было бы слишком просто. Он сноб. А я теперь еще и без ключей от жизни.

– **Софи:**

Пиши. Не тормози. Он – образ. Используй его.

А если будет невыносимо – дай мне адрес. Я приеду. В редакционный отпуск.

– **Элен:**

Обещаешь приехать с Жужу?

– **Софи:**

Только если я смогу её потом продать обратно Барби.

Я усмехнулась. Софи всегда знала, что сказать.

И пока чай остывал, а город за окном жил своей шумной жизнью, я открыла ноутбук и назвала новый файл:

«Как НЕ прибить мужчину, который раздражает сильнее, чем воск на джинсах»

Я проснулась без будильника. Это был редкий выходной без планов, звонков и VIP-допросов.

Впервые за много дней мне некуда спешить.

– Сегодня займусь стиркой, наведу порядок в шкафу, приготовлю что-то из киноа... – пробормотала я и тут же вспом-

нила:

– Капибара!

Андре твердил о ней неделю. Он даже нарисовал капибару на холодильнике. Причём фломастером.

Через час мы уже тряслись в метро. Андре – с картой зоопарка, на которой красным кружком обведён нужный вольтер.

Я – с кофе навынос и мыслями, которые иногда возвращались к вчерашнему дню.

...Отец умер, когда мне было три года.

Мама – учительница, вытянула всё на себе.

Я окончила институт, стала учителем истории, любила свою профессию. До тех пор, пока не увидела мужа – Макса – в объятиях своей лучшей подруги.

На третий день после свадьбы.

– Коротко, ярко, без продолжения, – шутила я потом. – Как реклама стирального порошка.

Зато появился Андре. Лучшее, что я взяла из того брака. И начала неожиданно писать. Потому – что не писать я уже не могла. Это как самолечение, ты выносишь на бумагу всю себя, все свои страхи, все свои радости горе или наоборот смех.

Надеюсь я оптимистка и знаю, что даже если жизнь подкидывает уксус – можно сделать хороший соус.

– Мам! Тут нет капибар! – голос Андре вырвал меня

из мыслей.

– Как нет?

– Мы же смотрим уже двадцать минут!

И правда. Капибары исчезли. Как будто взяли отпуск.

Я с сыном металась по зоопарку, как турист без гида.

– Ну не может быть, чтобы все капибары из зоопарка ушла в отпуск!

– Я хочу только капибару! – заявил Андре. – Остальные мне неинтересны.

И тут, пятясь назад, оглядываясь по сторонам, я натякаюсь на случайного прохожего

– Ох. Простите! – выдохнула я, одновременно уронив стакан с мороженым прямо на чьи-то белоснежные кроссовки.

– Господи! Извините! Я не смотрела!..

Лезу судорожно в сумку за салфетками, нчинаю быстро стала вытирать обувь, не поднимая глаз.

– Всё хорошо, не надо... – начал знакомый голос.

Что это? Я застыла.

Медленно поднимаю глаза.

– ВЫ?!

Встала как ужаленная

– ВЫ ЧТО, ПРЕСЛЕДУЕТЕ МЕНЯ?!

Рядом с Алексом стояла маленькая девочка – лет семи, с косичками и в розовом платье. Она держала его за руку и удивлённо смотрела на происходящее.

Алекс улыбнулся.

– Зоопарк – общественное место. Пока ещё. И, если что, я тут не ради вас. – Это компенсация за вчерашние заметки – Алекс показал на кроссовки?

– Это была случайность. Я... ищу капибару.

– Прекрасно, мы тоже.. Всем нужна капибара! Давайте искать вместе!

– Нет! Не нужно! – слишком быстро ответила я – Я справлюсь. Я вообще... самостоятельная женщина.

– С мороженым. На моей ноге, – напомнил он с улыбкой. Мари, девочка, рассмеялась.

– Тётя смешная. А ты – мокрый.

Сгорая от стыда, я потащила Андре прочь.

– Мам, пожалуйста, ещё один круг! Мы точно её найдём! – Андре вцепился в мою руку, как будто мы не в зоопарке, а в джунглях и охотимся на единорога.

– Хорошо, хорошо. Один круг. Только один! И ни слова про акулоезд, пока мы не увидим эту твою... капибару.

Мы снова прошли мимо фламинго, павлинов и вонючей секции с козлами.

Солнце жарило. У меня начинал таять мозг.

И тут...

– МАМ! – закричал Андре. – КАПИБАРАААААА!!!

Я обернулась и увидела её, вернее их целое семейство капибар:

большие, грустные, неподвижные.

– О, чудо, – прошептала я. – Да будет капибара.

Я вытасила телефон.

– Давай, стань рядом, я сниму! Только не визжи, Андре, они пугливые... или философские... я.. не помню.

Я навела камеру.

Андре подпрыгивал.

Я щёлкала.

Капибара – медитировала.

И тут, когда я приблизила кадр, на экране всплыло чьё-то лицо.

Чьё-то знакомое, ухмыляющееся лицо.

– Прекрасно. Теперь вы меня ещё и снимаете.

Я взвизгнула и чуть не уронила телефон.

Рядом со мной стоял Алекс.

В одной руке – шарик мороженого. В другой – Мари.

– Вы что, всё-таки шпион? – спросил он, прищурившись.

– Я... Я капибарофил! – выпалила я. – И вообще, я вас не заметила.

– А камера заметила, – сказал он и показал пальцем на мой экран. – У вас в кадре – я, капибара и истерика.

– Это был репортаж для сына.

– Конечно. И я, наверное, теперь – официальный представитель капибар?

– Хотите титул? – не выдержала я. – «Император грызунов» звучит неплохо.

Алекс рассмеялся.

Мари и Андре засмеялись тоже.

– Хотите, мы сделаем общее фото? – предложил Алекс. – Для отчёта. Раз уж вы следите – пусть будет качественный материал.

– Очень смешно, – пробормотала я, и всё же сфотографировала.

Мари обняла капибару через стекло.

Андре улыбался.

Алекс стоял сбоку, как будто всё знал заранее.

– Ну вот, теперь и вы в кадре, – сказала я, показывая Алексу экран телефона.

– Мне придётся его заполучить.

– Что? Фото?

– Конечно, – он кивнул в сторону детей. – Это редкий кадр. Два юных фаната капибар. И мы – наблюдатели.

– Можете переснять. Без меня.

– Но это уже будет не то.

Он смотрел спокойно, уверенно. Без давления – но с каким-то тёплым, ироничным упрямством.

Мари и Андре тем временем дружно стояли у стекла, строили капибаре дом из воображаемых веток и обсуждали, можно ли взять её в ванну.

– Они как будто знакомы сто лет, – сказала я, почти про себя.

– А мы с вами – всего два дня, – отозвался он.

Я вздохнула.

– Хорошо. Сейчас отправлю вам фото. Диктуйте номер.

– Лучше обменяемся. Вдруг ещё будет капибарный повод.

Телефоны были переданы, контакты – сохранены.

– Только не добавляйте меня в чат с родителями школы, – сказала я, нажимая «сохранить».

– Только если вы не предложите завести капибару в класс, – ответил он.

Они ещё немного побродили по зоопарку: увидели ленивца, который спал в такой позе, как будто скучал по понедельникам, и обезьяну, которая напомнила Элен одного издателя.

Но потом Алексу кто-то позвонил.

Он глянул на экран, нахмурился, и кивнул:

– Мне нужно ехать.

– Конечно. Вам же надо... обедать в следующем кафе под охраной, – не удержалась я.

Он усмехнулся:

– Сегодня будет ужин. И не под охраной.

Он перегнулся к Мари, прошептал ей что-то. Девочка улыbnулась и обняла Андре.

– Пока, Андре! Пусть мама покажет тебе, где живут муравьеды!

– Обязательно! – заорал Андре. – И мы их тоже сфоткаем!

Я проводила их взглядом.

И только сейчас заметила: за воротами стояла машина. Чёрная, дорогая, с водителем.

Один из охранников уже открывал заднюю дверь.

– Они всё время были рядом... – прошептала я.

Алекс оглянулся, поймал мой взгляд, чуть кивнул.

– Контакт есть. Фото есть. Капибара довольна. До встречи, Элен.

Машина уехала.

А я осталась. С сыном. С мороженым. С капибарой в сердце.

Когда я смотрела на фото в метро, то вдруг подумала:

«Вот так всегда. Ты хочешь просто снять капибару. А снимаешь мужчину, который капибарит тебе по нервам».

Вечером я сидела с чашкой чая у окна.

За спиной тихо тикали часы. Андре заснул. Устал от капибар и беготни.

Я открыла свой блокнот. Тот самый – с настоящими заметками. Не для книги. Для себя.

Из дневника Элен:

Не знаю, зачем я пишу это. Может, чтобы не забыть – этот странный день.

Капибара нашлась. Андре счастлив. Я – немного в растерянности.

Алекс. Он... другой. Всё время сдержан, подтянут, контролирующий.

Но с девочкой Мари – нежный. Настоящий. Кто она ему дочь, племянница?

Мне казалось, он – камень. А оказалось – вулкан под снегом.

И это немного пугает. И привлекает. _

Пришлось вытирать уголки глаз и фыркать.

– Романтичная коза, – пробормотала. И написала Софи:

Элен → Софи:

Он теперь у меня в телефоне. Контакт назвала «Капибароносец»

И прислала Фото: Алекс, Мари, Андре, Элен – и капибара на заднем плане, глядящая в вечность.

Утро Элен началось не с кофе. Телефон Элен взорвался с самого утра.

Сначала – сообщение от Мамы:

– И?

– И я был неправ. Сильно. Я увидел заголовки – и сразу поставил ярлык.

Он сделал паузу.

– Я привык оценивать риски быстро. Слишком быстро.

– И что теперь? – спросила я негромко.

Он посмотрел мне в глаза.

– Теперь – я хочу исправить это. Без обещаний, без ультиматумов. Просто...

– Просто?

– Просто выпить с тобой кофе после выставки.

Я почувствовала, как сердце сначала подпрыгнуло, а потом заняла старая обида.

Но взгляд его был честный. Простой.

Не как у миллиардера.

Не как у «овсянкина».

А как у мужчины, который понял, что может потерять человека – по своей вине.

– Хорошо, – сказала я тихо. – Только кофе. И не более двух капибарных шуток за вечер.

– Справедливо, – кивнул он. – Но, предупреждаю, у меня в запасе три.

Он ждал у выхода с выставки.

Стоял у кофейного киоска, как будто не было никакого скандала, желтой прессы и разбитого доверия. Просто мужчина. Просто кофе. Просто вечер.

Высокий. Широкоплечий. Чёрное пальто. Сдержанная уверенность.

Волосы чуть растрепаны, подбородок с двухдневной ще-

тиной. Голос – низкий, спокойный. Глаза – внимательные, холодные, но с искрой. Та самой, опасной. Из-за которой женщины пишут романы.

И я Хрупкая. Маленькая. Ледяная белизна кожи, как у фарфоровой статуэтки. Глаза зелёные – нет, не «изумрудные» – скорее как мята в морозный день. Рыжая копна вьющихся волос, которая отказывалась подчиняться даже самой сильной резинке.

На носу – очки в массивной чёрной оправе. Не по рецепту – по стилю.

Чтобы выглядеть солиднее.

Чтобы не читалось сразу, что внутри – ураган.

В пальто цвета кофе с корицей, в замшевых ботильонах, с сумкой через плечо, из которой торчала ручка блокнота и уголок книги.

Увидев меня, он улыбнулся. Тихо. Без давления. Как будто и не было всей той истории.

Просто вечер. Просто кофе.

– Капучино, без сахара? – протянул стакан.

– Спасибо, – кивнула, – но теперь фильтр.

– Поздно менять заказ. Будет капучино. И разговор.

– Вижу, у тебя всё по плану.

– Не всё. Но этот момент – да.

Мы отошли в сторону, нашли скамейку под тентом. Осень

шуршала где-то рядом.

Город гудел привычно, не мешая.

– Как Андре?

– Хорошо. Всё так же влюблён в капибар.

– Умный мальчик. У него вкус.

– А Мари?

– Тоже неплохо. Всё вспоминает, как мы бродили по зоопарку.

– Да уж... мы с ней после этого никуда не выбрались. Дела, дела.

Он замолчал на мгновение.

Потом посмотрел на чуть внимательнее, словно собирался сказать что-то важное.

– Знаешь... я тут подумал.

Ты ведь обо мне почти ничего не знаешь.

А пишешь хорошо. Я читал. Все твои записки. И книгу.

– И? – я приподняла бровь.

– А возьми-ка ты за одну работу. В моём новом проекте.

Издательство, помнишь, я упоминал?

– Пугаешь. Что за работа? Я за капибарами бегать не буду.

– Жаль. Но нет. Работа другая. Ты проведёшь со мной три дня. Просто будешь рядом. Посмотришь, как я живу, работаю, думаю. А потом...

– Потом?

– Напишешь обо мне статью.

В нашем же издательстве. Только честно. Как есть. Без

глянца, без рекламной лакировки.

Я усмехнулась.

– Я не журналист. Я писатель.

– А разве это не одно и то же?

– Шутишь?

– Нет. Серьёзно.

Мне давно пора рассказать о себе – чтобы, как ты выразилась, «журналюги» и «Барби №1 и №2» наконец успокоились.

А ты мне нравишься. Твой стиль. Твоя прямота.

– Ты знаешь, я не люблю вмешиваться в чужие жизни.

– Знаю. Поэтому и предлагаю.

Без камер. Без суеты. Просто... три дня рядом.

Ты ведь сейчас не очень занята?

Он сделал глоток кофе и посмотрел, спокойно. Без нажима.

В его голосе было то редкое качество, от которого трудно отмахнуться:

уверенность без высокомерия.

Я задумалась.

Три дня. Просто понаблюдать. Просто написать. Просто разобраться, кто он такой.

И кто – рядом с ним.

– Ну... – я откинулась на спинку скамейки. – В любом случае, хуже, чем в зоопарке, уже не будет.

– Это да, – усмехнулся он. – Там ты наступила мне на ногу

и полила мороженым.

– Отличное начало для сотрудничества.

Они оба рассмеялись. И на секунду – стало по-настоящему легко.

Я открыла дверь тихо, как вор. В квартире уже спали: Андре в своей комнате, мама на диване с пледом.

На кухне был полумрак, чайник закипал негромко, как будто тоже не хотел никого будить.

Налила себе чашку зеленого чая, села за стол и достала дневник.

Потёртая обложка, мягкая бумага, любимая ручка.

Записала дату – и замерла на секунду.

«Удивительный сегодня день.

И это не презентация моей книги.

Это он.»

На секунду перо застыло. Потом продолжила:

«Мне страшно.

И ужасно любопытно.

Что будет дальше?

Как будто я случайно взяла чужой роман и теперь читаю – страницу за страницей – но не знаю, героиня ли я или просто побочная роль.

И кто он, на самом деле?

И почему он выбрал меня?

Соглашаться на эти «три дня» – безумие.

Но я уже сказала «да».

И, пожалуй, впервые за долгое время мне интересно, что будет утром.»

Внизу, уже почти на полях, прищурившись от сна, припирала:

P.S. Я снова наступила ему на ногу. Это становится нашей традицией?

Она закрыла дневник. Сделала глоток остывающего чая. И впервые за долгое время – уснула легко.

«Понедельник. День первый»

06:00.

Будильник взвизгнул так, как будто это его кто-то будил насильно.

Дотягиваюсь до телефона, прижимаю экран к уху и шепчу:

– Я не хочу на работу...

Телефон не ответил. Как обычно. Какой же ты все-таки гад. Я села на кровати, зевнула и огляделась – комната, мягкий свет из окна, привычный утренний бардак: учебник Андре под стулом, чашка с недопитым какао и, как всегда, зарядка от планшета в ногах. Ритуал.

Я встала и прошла в ванную.

Сначала – холодная вода.

Потом – зеркало.

Там была я.

И, если честно, не так уж плохо.

Лёгкая припухлость под глазами, которую можно выдать за тренд. Немного сбившиеся кудри, придающие образу «естественной дикости».

И... взгляд.

Опа. Опа. Опа-па

Я поймала себя на мысли: *«Я хочу ему понравиться»*.

На секунду внутри что-то дрогнуло.

– Та-а-ак. Стоп.

Что происходит?

Какой понравиться? А Барби 1 и Барби 2? Уже забыла, как они когтями воздух рвали и визжали как поросята ради него?

На секунду стало смешно вспоминая сцену в кафе.

Потом я мотнула головой и повернулась к умывальнику.

Холодная вода. Хлопок по щекам. Вдох. Выдох.

Порядок.

Косметика – минимум: тон, румяна, ресницы.

Прическа – компромисс: волосы выются сами по себе, смысла бороться нет. Пусть будут живыми, как есть.

Открываем шкаф. Вдохновляемся.

И что у нас тут особенного, а ничего.

Серый брючный костюм, слегка свободного кроя.

Белая блузка с мягким воротом.

Яркие туфли – тёпло-красные, с тонким ремешком.

Сумка – чёрная, чёткая, деловая.

Пальто – вчерашнее, другого все равно нет.

В зеркале на неё смотрела женщина лет на 30 – чуть младше, чем в паспорте, но точно старше, чем вчера.

– Неплохо, мадам Дюпон. Очень даже неплохо.

07:00.

Она схватила Андре за рюкзак, поправила шапку на его голове, поцеловала в лоб.

– Сегодня тебя бабушка забирает. Так что вечер у меня свободен.

– Можно мне тогда два сока?

– Один. Ты ж не вино пить собрался.

– Ну ладно, один, но большой.

Мы выбежали из дома.

Поймала себя на том, что улыбаюсь, что мне так весело?

Что бы там дальше ни случилось – сегодня начнётся нечто новое.

07:20.

Я стою у подъезда, поправляю ворот пальто и стараюсь выглядеть непринуждённо. Хотя внутри всё плясало – лёгкая паника с оттенком мятного возбуждения.

Во двор свернул чёрный Mercedes-Benz S-класса. Без проблесковых маячков, но с таким видом, что у всех машин на дороге автоматически включалось чувство неполноценности.

Из него вышел молодой человек в строгом костюме –

сдержанный, с идеальной осанкой и планшетом в руках.

– Элен Дюпон? Доброе утро. Меня зовут Николая, я водитель Алекса Рема. Машина к вашим услугам.

Я кивнула, как будто для неё это обычное дело, а не сцена из сериала «Женщина случайно попала в жизнь миллиардера».

Салон был – как отдельный мир.

Кремовая кожа, панели из вишнёвого дерева, встроенный столик, мини-бар с кофе и водой, идеальная температура и абсолютная тишина.

Только где-то вдали слышался лёгкий джаз.

«И это, простите, просто „доехать на работу“? У некоторых маршрут – с пересадками, у кого-то – со стюардом.»

Я устроилась поудобнее, достала телефон, но... не смогла оторваться от окна.

Париж в это утро был прекрасен.

Серое небо, яркие витрины, вывески кофеен, прохожие с зонтами и пакетами, спешащие по делам.

А она – внутри капсулы, как будто временно вырвана из реальности.

«Элен Дюпон. Писатель. Пассажир. Впервые в командировке у собственного персонажа...»

Машина повернула на Авеню Монтэнь, и через несколько минут остановилась у внушительного здания.

Офис Алекса Рема.

Здание – старинное, с лепниной, высокими арочными ок-

нами и чёрными коваными воротами.

Раньше здесь, судя по табличке, был особняк начала XX века, принадлежавший промышленнику.

«Конечно. А где ещё работать мультимиллионеру, как не в бывшем особняке промышленника?» – подумала Элен, выходя из машины.

На входе – вежливый охранник с бейджем, гладкие стеклянные двери и никакого намёка на суету.

Внутри – роскошь в стиле «умных денег»:

- Бежевый камень на полу,
- матовое золото в фурнитуре,
- живые растения в глиняных вазах,
- мягкий запах свежемолотого кофе и чистого воздуха.

Слева – ресепшен, девушка с идеальной укладкой и не менее идеальным «Доброе утро, Элен. Месье Алекс вас ждёт на втором этаже.»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.